

О. В. ЗАИЧЕНКО

ОСНОВНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ВОСПРИЯТИЯ РОССИИ НЕМЕЦКИМИ КОНСЕРВАТОРАМИ В 1830–1840-е ГОДЫ МОНАРХ КАК ВОПЛОЩЕНИЕ ГОСУДАРСТВА

Взгляд на монархическое государство как на высшую цель общественного развития стал одной из основных детерминант, определявших консервативное мировоззрение в Германии, и, в частности, отношение к России. Автор делает попытку: с одной стороны, проанализировать основные аспекты восприятия немецкими охранителями российского императора как носителя верховной власти, а с другой – выявить, насколько созданный в официальной литературе образ самодержавия соответствует концепции монархического государства, разработанной такими видными идеологами немецкого консерватизма первой половины XIX в., как Фридрих Шталь, Эрнст и Леопольд фон Герлахи, Йозеф фон Радовиц и др.

Ключевые слова: образ России, Германия, консервативная идеология, император, абсолютная власть, монархическое государство.

Консерватизм первой половины XIX века, будучи одним из важнейших факторов общественно-политической жизни Европы Нового времени, всегда представлял собой нечто большее, нежели идеологическую программу контрреволюционно настроенных элитарных групп доиндустриального общества. Он являлся целостной мировоззренческой системой, особым типом мышления, связанным с естественным стремлением человека к стабилизации, сохранению и укреплению существующего социального порядка как привычной среды обитания¹.

В повседневности люди, как правило, не создают мыслительных образов, благодаря которым они воспринимают мир, а перенимают их у своих социальных групп. Даже в процессе переживания личного опыта определенные мировоззренческие детерминанты, исходящие от группы, оказывают влияние на индивида, формируя его восприятие, потенциальные оценки и знания. В свою очередь, эти детерминанты тесно связаны с конкретно-историческими условиями развития общества. Поэтому ключом к пониманию возникающего в сознании индивида образа «другого», как одного из составляющих элементов его мировоззрения, служит меняющийся общественный фон, и, прежде всего, судьба тех классов и социальных групп, к которым принадлежит его «носитель»².

Исходя из этого, автор ставит перед собой задачу-максимум: в серии статей попытаться выявить структуру и основные детерминанты

¹ Huntington. 1984.

² См., например: Манхейм. 1994; Mannheim. 1953.

образа России, созданного немецкими консервативными публицистами в 1830–40-е гг., проанализировав их как часть мировоззренческой системы аристократических групп германского общества. Именно в этот период быстрое формирование либеральной идеологии и негативного образа контрреволюционной России, как составной ее части, вынудил консервативных мыслителей к созданию собственной политической системы. В период, начавшийся с Июльской революции 1830 г. и завершившийся революционными волнениями в марте 1848 г., консервативный образ России получил свое наиболее полное оформление, заняв важное место в идеологии правящих групп немецкого общества.

Настоящее исследование является первым из задуманной серии и посвящено краеугольному камню консервативной идеологии: идее освященной Богом монархической власти³. Взгляд на монархическое государство как на высший результат и цель общественного развития стал одной из основных детерминант, определявших консервативное мировоззрение в Германии, и, в частности, отношении к России. Здесь делается попытка: с одной стороны – проанализировать основные аспекты восприятия немецкими охранителями российского императора как носителя верховной власти; с другой стороны – выявить, насколько созданный в официальной литературе образ самодержавия соответствует концепции монархического государства, разработанной такими видными идеологами немецкого консерватизма первой половины XIX в., как Фридрих Шталь, Эрнст и Леопольд фон Герлахи, Йозеф фон Радовиц и др.

Для того чтобы составить наиболее полное представление о восприятии немецкими консерваторами российского монарха и государственной системы, автор попытался сопоставить анализ содержания опубликованных сочинений о России, подверженных ограничениям цензуры и самоцензуры, и личных дневников немецких аристократов, не предназначенных для публикации. Такой подход дает возможность выявить, насколько официальная позиция консервативных аналитиков совпадала с их мировоззренческими установками. Первую и основную группу источников составляют монографии из коллекции «Россика» Российской национальной библиотеки Санкт-Петербурга⁴. В основном, это путевые заметки очевидцев, посетивших Россию в 1830–40-х гг., мемуары, политическая публицистика, носившая ярко выраженный полемический ха-

³ См., например: *Beyerhaus*. 1937; *Epstein*. 1973; *Greifenhagen*. 1977.

⁴ Исследованы автором в рамках проектов РФФИ 05-06-80036 «Россия в немецкоязычных источниках XIX века: база данных» (рук. проекта – О.В. Заиченко) и РГНФ 06-01-02117а «Россия и Запад. Взаимные образы и представления: опыт истории XVIII–XX вв.» (рук. проекта – В.В. Рогинский).

ракти. Большинство этих произведений было частью дискуссии о прошлом, настоящем и будущем Германии. Появившись как отклик на уже существующие сочинения⁵, эти публикации с самого начала были направлены на формирование вполне определённого общественного мнения о России как аргумента в политической борьбе.

Несмотря на то, что многие тексты были опубликованы анонимно⁶, можно предположить, что их авторы были подданными германских государств, прежде всего, Пруссии, и принадлежали к аристократическим слоям немецкого общества. В основном, это сановники (Карл Отто Людвиг фон Арним⁷ (1779–1861) – прусский дипломат), военные (вюртембергский граф Фридрих Вильгельм фон Бисмарк⁸ (1783–1860) – генерал-лейтенант кавалерии, военный советник), литераторы (Иоганн Шпоршиль⁹ (1800–1863) – прусский писатель и историк, Пауль Антон Поссарт¹⁰ – моравский публицист и издатель), актеры и режиссёры знаменитого Немецкого театра в Петербурге (Эдуард Йеррман¹¹ (1798–1859) и драматург Фридрих Титц¹² (1803–1879)). Все они были приняты при русском дворе и могли непосредственно наблюдать за жизнью монарха и его окружения. Большинство из них, за исключением актеров, не знали русского языка, что ограничивало круг их общения в основном представителями высшей знати. Альтернативными источниками могут служить дневники, письма и личные записи генерала Леопольда фон Герлаха, адъютанта прусского короля Фридриха-Вильгельма IV, который неоднократно посещал Россию, сопровождая своего сюзерена. Воспоминания генерала интересны тем, что, не будучи предназначенными для печати, содержали оценки российской действительности, двора и лично императора, которые во многом расходились с общепринятой позицией консервативной литературы о России. Лишь после смерти Леопольда фон Герлаха его дочь Агнес решила опубликовать архив отца¹³.

Источником, стоящим особняком от основной массы сочинений консервативных авторов, является знаменитое произведение француз-

⁵ См.: Заиченко. 2001; 2004; 2010.

⁶ (Anonym.) Der Czar gegenüber der europäischen Anarchie; (Anonym.) Die Preußen als Gäste in St. Petersburg...; (Anonym.) Kaiser Nikolaus...; (Anonym.) Tagebuch eines preußischen Offiziers...

⁷ Arnim. 1850.

⁸ Bismark. 1836.

⁹ Sporschil. 1849.

¹⁰ Possart. 1840–1841.

¹¹ Jerrmann. 1852.

¹² Tietz. 1836.

¹³ См.: Denkwürdigkeiten aus dem Leben Leopold von Gerlachs...

ского маркиза Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году»¹⁴, которое оказало сильнейшее влияние на восприятие российской империи не только в Германии, но и во всей Европе. Оставаясь консерваторм и монархистом по убеждениям, маркиз, как и немецкие охранители, со страхом наблюдал за упадком европейской аристократии и распространением новых демократических веяний во французском обществе в эпоху Луи Филиппа. Для него, как истинного консерватора, были одинаково неприемлемы как конституционализм, и эгалитаризм, так и абсолютная монархия. Не будучи связанным никакими моральными обязательствами, Кюстин стал одним из немногих авторов-аристократов, которые подвергли российское самодержавие открытой критике с умеренно-консервативных позиций.

Немецкие консерваторы видели в верховной власти изначальную и вечную основу человеческого бытия, необходимый авторитет для создания государства¹⁵. В противоположность либеральной теории общественного договора, выводящей возникновение государства из «произвола человеческой деятельности», консерватизм изначально предполагал наличие «властной воли, имеющей надындивидуальный характер». Как писал Ф. Шлегель, власть дается от Бога и потому тот, кто от нее отступает, нарушает не только закон, но и Божью волю¹⁶. Эти идеи романтиков получили дальнейшее развитие во взглядах таких влиятельных политических деятелей, много сделавших для развития консервативной идеологии, как братья Леопольд и Эрнст Людвиг фон Герлах, которые воспринимали государство как «царство закона Божьего на земле»¹⁷. Идее божественного происхождения государственной власти больше всего соответствовала монархическая форма правления. Благодаря механизму наследования «произвол человеческой деятельности сводился к минимуму», так как власть устанавливалась «не в силу выборных полномочий, но в силу более высокого авторитета над ними»¹⁸. В монархии немецкие охранители видели залог гармоничного единства государства и общества. Только монарх, стоя над частными интересами и выполняя Божью волю, мог стать гарантом прогрессивного развития сильного государства и обеспечить неприкосновенность личных свобод для подданных. Религиозное сознание легитимировало верховную власть и одновременно ее ограничивало отнесением к высшему авторитету Бога.

¹⁴ *Custine*. 1847; *Кюстин*. 1996.

¹⁵ См., например: *Мусихин*. С.114–128; *Имангалиев*. 2001. С. 110–121.

¹⁶ *Schlegel*. 1931. S. 74.

¹⁷ См.: *Schöps*. 1974. S. 21.

¹⁸ *Stahl*. 1863. S. 299.

Важным толчком к развитию консерватизма как идеологии послужили общественные вызовы конца XVIII – первой четверти XIX в. Распространение рационалистических идей Просвещения и Французской революции стимулировало ускоренную замену в общественном сознании монархического и церковного легитимизма комплексом новых либерально-демократических концепций власти и государства, определивших собой дальнейшую динамику политических перемен. Монархии, возродившиеся из праха наполеоновской Европы, были вынуждены приспособливаться к новым общественным и политическим силам, пробудившимся к жизни в период французской оккупации. Кроме того, повсеместная секуляризация массового сознания в этот период привела к десакрализации европейской монархии: «словно небеса закрылись, и Божья десница уже не поддерживала корону на головах властителей¹⁹». Вера окончательно перерастала быть языком универсальных смыслов, став личным делом каждого мыслящего человека. На смену религии, как основы восприятия мира индивидом, вместе с приоритетом государственных интересов приходит политика, которая постепенно начинает формировать мировоззрение различных общественных групп. В Германии французская оккупация дала импульс к развитию либерального по своей сути общегерманского национально-освободительного движения. Верховной власти не оставалось ничего другого, как поддержать нарождающееся национальное чувство, чтобы направить его против наполеоновских войск. Возникла необходимость сплотить нацию перед лицом общего врага и максимально содействовать уничтожению пропасти между королем и его подданными. В результате после подписания сокрушительного для Германии Тильзитского договора 1807 г. прусская монархия, как и многие более мелкие немецкие княжества, была вынуждена постепенно отойти от трактовки образа правителя как богачеловека, возвышающегося над своим народом. Уже в первой четверти XIX в. династия начала репрезентовать себя в глазах подданных как символ нации. В восприятии большинства немцев король Пруссии Фридрих-Вильгельм III утратил сакральные черты, превратившись в простого смертного. Он уже не претендовал на «божественную миссию», на предназначение «свыше» и даже исключил из своего титула слова «Милостью Божией». Отказавшись от былой пышности и величия, прусская монархия, согласно канонам господствовавшего в Европе стиля Бидермейер, старалась представить себя воплощением сдержанной скромности и простоты. Соответственно Фридрих-Вильгельм все чаще

¹⁹ *Novalis*. 1931. S. 179.

стал восприниматься современниками, прежде всего, как носитель буржуазных по своей сути «гражданских добродетелей» – как образец порядочности, постоянства, семейственности и благочестия. Он больше не строил огромных дворцов, отказался от демонстрации роскоши и пышного двора, мало появлялся на публике, стараясь всем своим поведением подчеркивать не дистанцию между королем и нацией, а их общие ценности и цели в борьбе за национальное возрождение.

Одновременно страх перед распространением идей Французской революции в Пруссии, либеральные реформы Штейна-Гарденберга, проводимые по французскому образцу и сильно ограничившие власть монарха над административными институтами, утрата аристократической элитой былых позиций, спровоцировали консервативную реакцию²⁰. Критическая ситуация заставила молодых аристократов задуматься о возможностях реставрации, восстановления авторитета христианства и монархии во имя возвращения Старого порядка. Ответом на вызовы времени стало стремление охранительной идеологии создать миф об идеальной монархии, способной спасти современное общество от «язв капитализма». Не найдя внутри Германии достойных образцов «королевского величия» и убедительных примеров для ведения дискуссии с либералами, немецкие консерваторы были вынуждены обратить свой взор за ее пределы. В первой половине XIX в. идеальным воплощением легитимности монархии и прочных религиозных традиций многим из них представлялась сильная абсолютистская Россия, не затронутая влиянием либерализма. «Упадок» собственных правящих домов, утративших «былой блеск и славу», превратившихся под натиском новых веяний в ограниченные реформами «буржуазные монархии», способствовало развитию консервативной русофилии в Германии, которая во время революционных событий 1848 г. наряду с принципом легитимности стала играть роль интеграционной идеологии для немецкой аристократии.

Но у создаваемого в европейской литературе идеального образа России вскоре обнаружили уязвимые места. При всей легитимности и прочности, русское самодержавие, строго говоря, не вполне соответствовало консервативной концепции монархической власти. По мнению многих охранителей, абсолютная власть правителя была так же опасна, как и либеральное народовластие. И та, и другая форма правления, передав всю полноту власти в руки человека, отказывалась от каких-либо потусторонних ограничений, и в первую очередь не была ограничена высшим авторитетом Бога. Как пронизательно заметил по этому поводу

²⁰ Epstein. 1973. S. 775ff; Wehler. 1971. Bd. 2. S. 446ff.

маркиз де Кюстин: «Представьте себе почти полную победу воли человека над волей Господа – и вы поймете, что такое Россия²¹». Всякая попытка власти заменить собою Бога в конечном итоге обязательно должна была привести к деспотизму и произволу, за которыми всегда следуют революции и анархия. Не только маркизу де Кюстину, но и многим немецким аристократам, русское самодержавие представлялось не столько нормой, сколько проявлением извращения идеи подлинной монархии. Кроме того, в первой четверти XIX в. российская государственная система чаще воспринималась общественным мнением Европы как восточная деспотия, типичная для Азии, чем как часть греко-римского культурно-политического наследия. В этой связи перед германскими охранителями встала идеологическая задача с одной стороны, продемонстрировать европейские корни русской монархии, а с другой – оправдать ничем не ограниченную власть российских императоров в глазах европейцев и тем самым подтвердить легитимность самодержавия. В этом случае одного тезиса о том, что царь является избранником и помазанником Божьим, а его власть освящена религией и опирается на силу вековых традиций, оказалось недостаточно для обоснования мирских притязаний русских монархов. Консерваторы были вынуждены заняться конструированием «возвышающего» мифа, создавая эпический образ самодержца, приписывая ему реальные и вымышленные достижения, которые могли бы представить его как носителя европейской цивилизации и обосновать его права на абсолютную власть.

В декабре 1825 года, в разгар реакции в Европе, на русский престол вступает новый император Николай I, младший брат внезапно умершего в Таганроге Александра I – «ангела света», «благословенного» освободителя от Антихриста, под которым большая часть эсхатологически настроенных консерваторов подразумевала Наполеона. С уходом Александра, последнего из двух царственных антиподов Европы, закончилась эпоха великих потрясений. Если с «царем-ангелом» были связаны, прежде всего, мистические ожидания накануне апокалипсиса, то на его преемника европейская аристократия возлагала главные надежды на политическое возрождение монархического принципа верховной власти. Именно он стал ключевой фигурой восприятия немецкими консерваторами современной им России²². Как писал в начале своих размышлений

²¹ Кюстин. 1996. Т. 1. С. 132.

²² Персонификация страны в личности императора была характерна в этот период и для либералов. Неоднозначная фигура Николая I как нельзя лучше подходила для создания образа веселого демиурга, определяющего политику Священного союза, и стоит за всеми репрессиями и проявлениями контрреволюции в Европе.

о месте российского государства в мире публицист и издатель Иоганн Шпоршиль: «Имя императора Николая в настоящее время так же неотделимо от “России”, как образ солнца от дневного света»²³.

Главной чертой русского монарха была его вездесущность, всепроникающее преобразующее воздействие на окружающий мир: казалось, что он постоянно перемещается по своей огромной стране, вникая во все, и следы его благотворной деятельности можно увидеть повсюду. Для того чтобы подчеркнуть эту исключительную особенность создаваемого образа Николая I, его часто сравнивали с солнцем: «Можно без преувеличения утверждать, что русский царь – это благодетельное светило, которое питает и оживляет все вокруг»²⁴. Нечеловеческая способность самодержца вникать во все, вплоть до мелочей, решать все проблемы, должна была обосновать его права на абсолютную единоличную власть. Кроме того, образ всепроникающего солнца часто использовался для доказательства того, что именно император является подлинным олицетворением государства: «Николай придает смысл всему. Все лучи многосторонней государственной деятельности исходят от него и сходятся в нем»²⁵. Для консерваторов русский монарх всегда находился вне критики, даже если его окружение вызывало определенное разочарование. Его реальная личность была полностью растворена в создаваемом эпическом образе великого преобразователя. Восприятие императора характеризовалось неразрывным единством набора его выдающихся человеческих качеств и политических функций, которые он осуществлял, будучи самым ярким воплощением государственной власти. Монарх являлся главным движущим элементом русского общества, несущим ему блага европейской цивилизации и прогресса. Он определял своей волей основные тенденции будущего развития государства, оставаясь единственным гарантом монархических устоев правления в России, ее внутренней и внешней политики: «Если существует определенная взаимосвязь между творением и его создателем, то это единство понятий полностью оправдано, когда речь идет о России. Все, что развивается и созревает здесь в духовной и материальной сферах, обязано своим процветанием живительным лучам Императора-Солнца»²⁶.

Для немецких либералов он был «Петербургским чудовищем», живым воплощением деспотической власти, чье вмешательство в европейские дела давало им право считать его «жандармом Европы», ответственным за раздробленность Германии.

²³ *Sporshil*. 1849. S. 3.

²⁴ *Kaiser Nikolaus*... 1846. S. 14.

²⁵ *Ibid.* S. 110.

²⁶ *Ibid.* S. 111.

Идея воплощения государства в личности монарха стала важнейшей и определяющей частью консервативного мировоззрения. Как писал Ф. Шталь, «государство есть воспроизведение мысли и воли государя в сущности подданных»²⁷. Через эту призму рассматривается вся история российского государства, представленная как череда выдающихся царствований. Главным в этой истории династий является правление Петра Великого, которым заканчивается «мрачная эпоха тирании и варварства», порожденная монгольским игом, и начинается новая «цивилизованная» история России. Подчеркивая масштаб и значение личности этого властителя, его ставят в один ряд со великими деятелями близкой читателю европейской истории, сравнивая с Цезарем и Карлом Великим в масштабе всемирно-исторических эпох, с Фридрихом II, королем Пруссии и Наполеоном Бонапартом в более скромных временных рамках XVIII–XIX вв. Но даже эти сравнения кажутся некоторым авторам недостаточными: «Петр Великий так же возвышается над всеми выдающимися деятелями истории, как небо возвышается над землей»²⁸. В то время как Цезарь действовал на фоне интеллектуального подъема античной эпохи, а Карл Великий в своей деятельности опирался на европейские культурные традиции, Петр I исключительно своей волей начал новое развитие страны, полностью перечеркнув ее предыдущую историю: «Император, как подлинный создатель, не останавливаясь ни перед чем, вопреки всем предварительным условиям и состоянию собственного народа, опираясь исключительно на свою силу, свою волю и освященную Богом полноту личной власти, из ничего создал новый мир»²⁹.

Начало «цивилизованной» русской истории с правления Петра Великого – лейтмотив всех посвященных ему сочинений: «Когда он появился на исторической сцене, пробил час России, пришло ее время»³⁰. Петр воспринимается как «подлинный создатель современной России», который вдохнул новую жизнь в «неповоротливую машину российской государственности». «Для России Петр стал тем, чем для Европы были крестовые походы, книгопечатание, открытие Америки и другие источники ее образования»³¹. Эти высказывания о Петре относятся к его реформам армии и административного управления по образцу западноевропейских абсолютистских государств, к дворянской реформе, строительству флота, созданию основ мануфактурного производства, а

²⁷ *Stahl*. 1856. Bd. II, Th. 2. S. 9.

²⁸ *Gurowski*. 1841. S. 218.

²⁹ *Schneider*. 1842. S. 10.

³⁰ Wort über Marquis von Custines... 1844. S. 26.

³¹ *Jerrmann*. 1852. S. 153.

также к территориальным приобретениям России в войнах против Швеции и Османской империи. Важное место занимает основание Петербурга, которое представляется как наглядный пример материализация личной воли властителя. С этих реформ, по мнению большинства русофилов, начинается «вхождение России в Европу», а до тех пор даже в их глазах она оставалась азиатским сообществом полудиких народов.

Личность императора, как и вся система правления в России, начиная с XVIII в., по-прежнему остается вне критики. Темные пятна в биографии Петра, как, например, участие в жестоких массовых казнях стрельцов, либо оправдывают соответствием традициям и духу времени, либо полностью отказывают «простым смертным» в праве критиковать царя: «И если в жизни этих необычных людей можно найти несколько темных, залитых кровью страниц, если некоторые из их действий выходят за рамки обычной морали, то следует принять во внимание их время, их воспитание, их темперамент. Тогда бы вы не осуждали их, а представили безмолвно в ужасе перед подножием этих огромных сфинксов и удалились бы, склонив головы, будучи не в силах разгадать их загадку»³². Но чаще всего Петр предстает перед читателями в образе античного титана, который стоит над своим временем и над собственным народом, не являясь его частью. Фигура царя может быть сопоставима только с великими личностями других стран и эпох, и, следовательно, носит исключительно вневременной и внеисторический характер. Начиная с царствования Петра в консервативной историографии первой половины XIX в. создается «возвышающий» миф о русских монархах, согласно которому им приписывались реальные или мнимые достижения, оправдывающие в глазах немецкого читателя их колоссальную по европейским меркам власть. Императоры и императрицы рисовались в образах римских правителей, античных героев и олимпийских богов, чтобы тем самым подчеркнуть их причастность к сообществу европейских монархов. Кроме того, значение всех последующих правлений во многом базировалось на авторитете личности Петра Великого, а его преемники на троне воспринимались, прежде всего, как продолжатели заложенных им традиций³³,

³² Wort über Marquis von Custine... S. 25.

³³ Надо заметить, что либералы тоже рассматривали все последующие царствования в России с точки зрения преемственности политики Петра I, но за основу своих логических построений они брали историю войн и территориальных приобретений России в XVIII – первой половине XIX в. Практически во всех антирусских сочинениях упоминалось пресловутое «Завещание Петра Великого», программа повсеместного распространения русского влияния, воплощению в жизнь которой якобы была посвящена вся внутренняя и внешняя политика самодержцев из дома Романовых. Ссылаясь на активное вмешательство России в европейские дела, в

насаждающие основы европейской цивилизации в полудикой стране. Поэтому, чтобы придать образу Николая I еще больше значительности, благодаря его активной внешней политике и форсированному строительству флота, консервативные авторы чаще всего представляли его как наследника, и даже завершителя героических дел Петра I: «Одно столетие лежит между обоими правлениями, столетие периода обучения России. Новое время началось для России с тех пор, как святая Москва принесла себя в жертву на алтарь отечества. И теперь Николай может закончить то, что начал Петр Великий»³⁴. Возлагая мифические надежды на нового императора, консерваторы рассматривали его недавно начавшееся царствование как кульминационную точку в череде выдающихся правлений, начиная с Петра I. Согласно создаваемому канону, Николай, независимо от своих личных качеств, должен был предстать перед немецким читателем эпическим героем, совершающим подвиги, образцом мудрости, мужества и красоты, воплощающим в совершенной форме европейские идеалы. Только таким образом он мог подтвердить легитимность и священный характер унаследованной им неограниченной власти в эпоху буржуазных реформ и распространения либерализма.

Воплощение «государства в государе», примером чему служили царствования Петра Великого и его преемников, как уже было сказано, немецкие консерваторы считали главным атрибутом истинной монархии: властитель, стоя выше частных интересов, «связывал воедино все сословия». Эрнст Людвиг фон Герлах писал: «Сущность монархии в том, что в ней человеческая личность властителя только посредством органического единства со своими слугами, а через них со всеми подданными, возвышается до истинно монаршей власти и величия. Без такого органического единства монарх столь же слабый человек, как и другие»³⁵. Именно это условие Герлах считал необходимым для оправдания дальнейшего существования монархии в Пруссии в разгар революционных потрясений 1848 года. Но уже в трактовке образа Петра Великого можно заметить некоторые противоречия с этим важнейшим принципом, которые становятся еще более очевидными в изображении Николая I. С начала петровских преобразований в России, какой она предстает в сочинениях немецких консерваторов, вместо единства монарха со всеми

борьбу за гегемонию на Балканах и Ближнем Востоке, на жестокое подавление волнений в Польше и на Кавказе, либералы писали о преемственности захватнических планов со времен Петра Великого, имеющих целью создание «универсальной» монархии – установления господства над Европой и Азией.

³⁴ Die europäische Pentarchie. S. 409.

³⁵ Gerlach. 1898. S. 302.

своими подданными, мы видим противопоставление просвещенного правителя варварскому обществу, а точнее их непрекращающееся противостояние. Преодолевая сопротивление собственного народа, искореняя негативные черты национального характера и традиционного уклада, очередной вступающий на российский престол самодержец, опираясь на неограниченную власть, строит европейское государство посреди азиатского общества. При этом он не несет никакой ответственности ни за издержки этого строительства, ни за настоящее и последующее состояние общества. Правитель-реформатор и пассивная, инертная «народная масса» практически нигде не соприкасаются между собой, а существуют как бы в разных плоскостях. Создавая образ самодержца как олицетворение универсальных ценностей монархии, немецкие консерваторы были готовы признать европейскую природу российской системы правления и созидательную миссию императора, но отвергали все, что считали специфически русским, прежде всего гражданское общество.

Окончательное отделение государства и образа просвещенного монарха от полудикого населения страны происходит в литературе, посвященной Николаю I. По прошествии ста лет после царствования Петра I, политическая и общественная ситуация в стране по-прежнему далека от совершенства, но даже признавая этот факт, консервативные авторы не возлагают ответственность за прошлые ошибки и нынешние недостатки на государство и монарха, который, по их мнению, полностью определяет развитие страны. Достойное критики современное состояние России гораздо чаще связывается с изъянами общества, национальным характером, а позитивная оценка деятельности монарха ассоциируется «со светлым будущим», в котором в результате его «титанических усилий» будут преодолены все существующие пока недостатки. Наиболее ярко эта тенденция проявилась в сочинении Эдуарда Йермана: «Права человека в России растоптаны! Кто отрицает это? Полуварварское правление господствует над еще частично сохранившимся варваром. Это правда! Там еще существуют законы, которые не достойны называться законами, и классы людей, которые еще до сих пор не знают, что такое человеческое достоинство: это все – чистая правда. Но глубокий дух императора, его непреклонное стремление устранить недостатки, выровнять все несоответствия, – все это делает его в моих глазах не только великим правителем, но и верным другом своего народа»³⁶.

Совсем другую тональность в описании Николая I можно заметить в дневниках и письмах немецких сановников, не предназначенных для

³⁶ *Jerrmann*. 1852. S. 1f.

публикации. Наглядным примером могут служить дневники генерала Леопольда фон Герлаха (1790–1861), личного адъютанта, советника и друга прусского короля Фридриха-Вильгельма IV, который на протяжении десяти лет был одной из самых влиятельных политических фигур в королевском окружении. Как и в случае с его братьями – Вильгельмом и Эрнстом Людвигом, ставшим позднее известным политиком, – мировоззрение Леопольда фон Герлаха сформировалось под влиянием идей политического романтизма, государственной философии Галлера и пие-тизма. Он хорошо знал Россию и императора Николая I благодаря трем длительным поездкам по стране (в начале 1826 г., с декабря 1827 г. по май 1828 г. и летом 1830 г.), и до конца жизни сохранял тесные контакты с Петербургским двором.

Леопольд фон Герлах впервые приехал в Россию в марте 1826 года, сопровождая наследника прусского престола, прибывшего для участия в церемониях поминания Александра I. С первого посещения «северной империи» в своих дневниках он, в отличие от большинства консервативных публицистов, создававших в немецкой печати образ сильной российской монархии, обращает внимание на шаткость положения молодого царя внутри страны и неустойчивость власти. В основе этой неустойчивости, по его мнению, лежало противостояние двух противоположных культур – европейского и национального русского начала, охватившее империю, как на государственном, так и на бытовом уровне. С большой тревогой он отмечает неприязнь к выходцам из Европы и, особенно к немцам, которая господствует в русском обществе, несмотря на то, что императорская семья и множество влиятельных сановников имеют немецкое происхождение: «Удивительно, как ненависть к иностранцам оживилась здесь в России. Император знает об этом и крайне озабочен тем, что немцы не могут нигде укрыться от того, чтобы им не завидовали и не испытывали вражды в их адрес»³⁷.

Пример противостояния европейского и «московитского» элементов на государственном уровне он видит в восстании декабристов, оценивая его как попытку государственного переворота, «с целью отделить Россию от Европы и вернуть ее к прежнему варварству». В оппозиционном движении русской аристократии Герлах не усматривал влияния западных рационалистических идей, либеральных течений и масонской символики. В основе тайного заговора, по Герлаху, лежало стремление «поставить на место современной благоприятствующей европейцам системы правления в стране прежнюю русско-азиатскую форму господ-

³⁷ Denkwürdigkeiten aus dem Leben Leopold von Gerlachs. Bd. I. S. 13.

ства). Логическим завершением окончательного отхода России от Европы, по мнению Герлаха, должно было стать уничтожение правящей династии, так как она являлась не только главной носительницей гуманистических и европейских ценностей, но и, будучи немецкой по крови, сама была частью Европы. В своих записках он неоднократно упоминал о готовящемся плане «полного истребления императорской семьи..., потому что семья императора, близкая к немецким правящим домам, действительно остается здесь чужой, чуждой в своих принципах, убеждениях, пристрастиях и даже своим внешним видом»³⁸.

Герлах отмечает, что молодой монарх боится за свою жизнь, ежедневно ожидая, что его убьют его же подданные. О страхе перед новым восстанием он упоминает даже при описании мемориальных торжеств в честь усопшего императора, устроенных с целью вызвать у многочисленных зрителей ощущения незыблемости, преемственности и священности основ правления царствующей династии. Вспоминая похоронный кортеж, Герлах замечает: «Что представляют собой эти три тысячи вооруженных людей, которые даже перед гробом Александра должны быть выстроены таким образом, чтобы один не спускал глаз с другого и держал соседа в узде»³⁹. В этот период Николай I предстает в описаниях Герлаха не как всемогущий самодержец и помазанник Божий, а как слабый человек, находящийся во враждебной среде и не контролирующей ситуацию. Главную причину этой слабости Герлах видит в неограниченной власти русского самодержца и считает, что молодой царь может преодолеть неустойчивое положение внутри России лишь в том случае, «если только император твердо уверится в том, что он получил свою корону по милости Божьей, что он гораздо более ответственен перед этим самым строгим судьей, чем все, так называемые, ответственные министры перед представляющим народ парламентом»⁴⁰. В глазах Герлаха, как и большинства немецких консерваторов, власть, не основанная на ответственности перед Богом, считающая свои цели и задачи самодостаточными, а свои решения – изначально справедливыми, не может быть долговечной. «Переходя к абсолютизму, она «...теряет необходимую мистику монархической идеи, подрывая тем самым собственное величие»⁴¹. Леопольд фон Герлах полагал, что такая неограниченная власть, связанная с чуждой большинству населения культурой, в действительно-

³⁸ Ibid. S. 10.

³⁹ Ibid. Bd. I. S. 17.

⁴⁰ Denkwürdigkeiten ... S. 22.

⁴¹ Meinecke. 1894. Bd. 72. S. 488.

сти вела к изоляции самодержавия от общества и зачастую делала самого императора заложником своего ближайшего окружения.

Несмотря на уверения высших сановников царя во время второго и третьего пребывания Герлаха в России, что «императора, который в начале царствования был непопулярен, теперь все боготворят и в обществе, и в армии», прусский адъютант продолжает сохранять скептицизм на этот счет. «Гогенлоэ рассказал мне сегодня о том, какими тяжелыми были настроения в России во время войны в Польше, – записал он в своем дневнике после подавления польского восстания. – Так было в начале 1812 года. И как при всякой неудачной войне старая русская партия снова подняла голову. Однако такая самодержавная власть ненадежна, слаба и ведет к изоляции»⁴². В период польского восстания 1830-31 гг. внутренняя слабость и неустойчивость абсолютистского режима, закрепленного Николаем I, кажется ему особенно явной, о чем он неоднократно упоминал в письмах брату Эрнсту Людвигу: «В борьбе России с Польшей император очень хорошо понимает, что не может уступить полякам без того, чтобы вместе с польским престолом не потерять и свой русский трон. Пока он ведет войну, русские защищают его, но как только Николай проявит слабость и уступит, он уже не сможет удержаться на троне»⁴³. Герлах считал, что отсутствие у российского самодержавия каких-либо внутренних ограничений и моральной ответственности перед Богом за судьбу подданных, не позволяет императорской власти опираться на российское общество, которое противостоит всем ее начинаниям.

Причину такого положения Герлах, вопреки общепринятой позиции консервативных публикаций, видел в преждевременной модернизации, насильственно осуществленной Петром Великим, приведшей к разрушению традиционных устоев общества и ослаблению духовных основ государственности. «Непродуманные, проведенные в жизнь тираническими методами реформы Петра I, их разрыв с системой местных отношений и обращение к чуждому им опыту извне, осуществленное с помощью деспотического угнетения подданных строительство Петербурга, – перечислял Герлах основные моменты русской истории, приведшие к отчуждению монархической власти от общества и, в конечном итоге, к ослаблению государственной системы, – засилье фаворитов при Анне и Елизавете, псевдо-просвещенное правление Екатерины II, блестящие захваты территорий, убийства правителей, безнравственность при дворе, связанная с распространением философии Вольтера, завезенной извне

⁴² *Denkwürdigkeiten ...* Bd. I. S. 67.

⁴³ *Gerlach*. 1970. S. 11.

либеральностью, деспотизмом временщиков, капризная контрреволюция Павла и навязанная Александру псевдо-философия Лагарпа построили то здание, посередине которого ныне находится император, водруженный на вершину хрупкой высокой колонны. Вполне естественно, что каждый, кто недоволен этим обстоятельством, пытается трясти эту колонну, чтобы либо сбросить сверху нынешнего правителя и вознести на его место другого, либо, как это теперь может произойти, опрокинуть саму колонну навсегда»⁴⁴. Трансформация монархической власти в сторону деспотизма, разрушение традиционных устоев, поспешная вестернизация страны, бездумно переносившая на русскую почву далеко не лучшие образцы европейской цивилизации, привели, по мнению Герлаха, к разращению и полному отрыву европеизированных правящих слоев от народа. Таков печальный итог русской истории, определивший внутреннюю слабость абсолютистской системы в России.

Восприятие российского самодержавия, основанное на консервативных принципах, которые исповедовал Леопольд фон Герлах, разделялось многими внимательными наблюдателями из круга аристократов, посетивших Россию в этот период. В частности, об этом почти в тех же выражениях писал маркиз де Кюстин, посетивший Россию спустя 9 лет после последнего визита Герлаха: «Сегодня, когда бунт, можно сказать, носится в воздухе, даже самодержец боится за свое могущество. Появление у императора сомнений в благонадежности своих подданных лишний раз подтверждается суровой озабоченностью, которая, кажется, постоянно гложет императора. Абсолютный монарх, испытывающий страх, слишком опасен»⁴⁵. Однако, помимо де Кюстина, в открытой печати сомнения в прочности созданного Николаем I абсолютистского режима высказывались только либералами. В консервативной литературе до начала Крымской войны практически отсутствуют критические замечания в адрес императора и российской государственной системы. В основе создаваемого русофилами образа лежали такие составляющие консервативного сознания как легитимность и прочность монархии, христианские традиции, соединявшие прошлое и будущее, единство и монолитность русского общества и государства. Все это лишний раз подтверждает тезис, что Россия крайне редко служила для консервативных публицистов объектом пристального и объективного изучения, но, прежде всего, была источником аргументов в политической полемике с немецкими либералами по внутригерманским вопросам.

⁴⁴ Denkwürdigkeiten... S. 9.

⁴⁵ Кюстин. 1996. Т. 1. С. 171.

Но вернемся к образу Николая I. То, что личность монарха воспринималась немецкими консерваторами как олицетворение государственной системы и «установленного Богом порядка», отразилось и на описании индивидуальных черт Николая I. Авторы русофильских сочинений в большинстве своем были дворянами, высокопоставленными чиновниками и офицерами и, как правило, имели доступ к Петербургскому двору или даже находились там по императорскому приглашению. Поэтому большинство описаний поведения императора, его манеры держаться в узком кругу оставили именно консервативные авторы, так как путешественники из числа буржуазии видели государя только на официальных мероприятиях. Несмотря на благоприятные возможности для личных наблюдений, повествования аристократов содержат очень мало описаний индивидуальных черт Николая I, в основном их заменяет стандартное изображение выдающихся и взаимозаменяемых качеств, присущих идеальному властителю или абстрактному герою. Характеризуя внешний облик Николая, почти все авторы отмечали его «пленяющую» красоту и физическое превосходство над окружающими: «Русский император – самое выдающееся лицо, не только потому, что он государь, но и благодаря своим личным качествам, которые весьма примечательны. Он – очень красивый человек, профиль его отличается благородством и величественностью. Его Величество справедливо считают красивейшим мужчиной в своем государстве»⁴⁶. Среди достоинств Николая часто отмечалось бросающееся в глаза телесное и душевное здоровье, говорящее о скромном, воздержанном и добродетельном образе жизни: «Свежесть лица и все в нем говорило о железном здоровье и служило доказательством того, что юность его не была изнежена, а жизнь сопровождалась трезвостью и умеренностью»⁴⁷. Довольно часто немецкие авторы отказывались от конкретных описаний, ограничиваясь передачей собственного восторга: «Во всех отношениях русский самодержец намного превосходил всех мужчин, каких я только видел при дворе или в армии. В наш развращенный век величайшая редкость встретить подобного человека в кругу высшей аристократии»⁴⁸. Это перечисление восторгов по адресу Николая I можно продолжить. Но во всех случаях личные особенности царя-человека как бы растворяются в политической функции, которую он олицетворяет. Символизируя собой монархическое государство, Николай должен был вызывать у всех без исключения наблюдателей чувство любви, основанное на полном физическом подчинении и

⁴⁶ Preußen als Gäste in St. Petersburg. S. 42.

⁴⁷ Portrait des Kaisers Nicolaus I./Kaiser Nikolaus der Erste... S. 3.

⁴⁸ Decker. 1835. S. 124.

эмоциональном поклонении высшей власти. Немецкие консерваторы старательно, пусть и не всегда осознанно, создавали идеальный образ правителя, наделяя его сакральными чертами, сверхчеловеческими способностями, дававшими ему право на абсолютную власть. Даже физически он был подобен богам: «Все в нем, даже его улыбка снисходительного Юпитера, все дышало земным божеством, всемогущим повелителем, все отражало его незыблемое убеждение в своем призвании»⁴⁹.

Не только восторженные немецкие русофилы, но и скептически настроенный де Кюстин, который до личной встречи с Николаем довольно язвительно отзывался о русском самодержавии, во время первой же аудиенции не смог устоять перед обаянием и харизматической притягательностью абсолютной власти и сакральной ауры, окружавшей императора. Описание наружности Николая, данное им только в тринадцатом письме, резко контрастирует с его предыдущими заочными оценками русского самодержца и полностью соответствует приведенным выше отзывам немецких аристократов-русифилов. Меняется даже стиль повествования: при упоминании о первой встрече с императором он становится почти эпическим: «Его великолепное чело, черты, в которых есть что-то от Аполлона и от Юпитера, его почти неподвижное, внушительное, повелительное лицо, облик, скорее благородный, нежели добросердечный, подобающий более статуе, чем человеку, – все это оказывает неодолимое воздействие на всякого, кто приближается к его особе. Он становится повелителем чужих воль...»⁵⁰. Добавляя, что «такого человека нельзя судить по меркам, пригодным для обыкновенных людей», де Кюстин устанавливал символическую дистанцию между богоподобным монархом и его окружением. Тем самым маркиз также невольно участвовал в создании «возвышающего» мифа, оправдывающего права самодержца на абсолютную власть, которую он сам так яростно критиковал.

Как отмечалось выше, несмотря на возможность непосредственно наблюдать за жизнью русского императора, большинство немецких консерваторов оставило нам идеализированные и достаточно схематичные портреты Николая I. Как нам кажется, с учетом всего вышесказанного, такой подход к восприятию русского императора связан с тем, что немецкие консерваторы в большинстве своем отстаивали право на власть не столько монарха, как конкретной личности, сколько монархии, как института. Как полагал Эрнст Людвиг Герлах, говоря о легитимности королевской власти, если «государь такой же человек, как и другие, то

⁴⁹ *Bismark*. 1836. S. 149.

⁵⁰ *Кюстин*. 1996. Т. 1. С. 210.

милость Божья нисходит не на личность правителя, а на его пост»⁵¹. Такого же мнения придерживался другой видный идеолог консерватизма Ф.Ю. Шталь, утверждавший, что «правит миллионами не человек, а ...институция»⁵². Видимо эта установка, оставляющая в тени конкретную личность монарха, не в последнюю очередь привела к схематичности портретов всех правителей России после Петра I, заменив описание индивидуальных черт абстрактными клише для выражения глубокой почтительности, принятыми в придворной литературе. С другой стороны, обобщенный положительный образ идеального монарха также являлся ответом на нападки на последнего русского царя со стороны либералов и не в последнюю очередь воспринимался современниками как попытка коррекции полных ненависти изображений Николая I и его предшественников, распространенных в антирусской публицистике.

Характер русского самодержца изображался консервативными авторами в соответствии с европейскими представлениями о дворянских добродетелях. Важнейшей составной частью мировоззрения немецкой аристократии была идея служения и, прежде всего, – на военном поприще. Не случайно немецкий историк и политолог Мартин Грайфенхаген утверждал, что «добродетель служения стоит на первом месте в дворянском нравственном кодексе и образует одновременно краеугольный камень консервативной морали»⁵³. Поэтому совершенно естественно, что в охранительной литературе русский император предстал, прежде всего, в образе деятельного правителя, «первого слуги государства», который беззаветно трудится на благо своего отечества, не требуя ничего для себя лично. Власть монарха представлялась немцам аристократам не как неограниченное ничем личное право, а как священный долг: с одной стороны, государь должен охранять порядок и существующие устои государства и общества, с другой стороны, – обеспечивать защиту и покровительство вверенным ему судьбой подданным.

На поприще служения отечеству император также превосходил простых смертных. Он превратился во «всевидящего» и «вездесущего» монарха, который с одинаковым усердием вникал в государственные и частные дела. Консерваторы создавали образ правителя, который находится в перманентном движении, постоянно перемещаясь по своей необъятной империи. Полковник Фридрих фон Гагерн вспоминал: «На протяжении нескольких месяцев я видел императора большей частью в

⁵¹ Цит. по: *Schöps*. 1974. S. 29.

⁵² *Stahl*. 1856. Bd. II, Th. 2. S. 242.

⁵³ *Greifenhagen*. 1977. S. 160.

дороге или занятым военными эзерцициями. При той необыкновенной деятельности, которая признана за ним всеми, он находил время на все»⁵⁴. Создавалось впечатление, что ни одно дело в империи не решалось без личного участия государя: от законодательства до внутренних проблем провинциальных городов и распорядка учебных заведений. Причем за что бы ни брался Николай, он всегда был одинаково успешен, демонстрируя высокий уровень осведомленности и компетенции во всем: «Русский император одинаково опытен во всех областях государственной деятельности, будь то юстиция, внутренние или внешние дела, финансы, законодательство, артиллерия или военно-морская служба»⁵⁵. Неустанно заботясь о благе государства и постоянно демонстрируя выдающиеся способности вникающего во все правителя, Николай еще раз подтверждал свои естественные права на неограниченную власть.

Помимо вездесущности еще одной определяющей чертой создаваемого образа идеального монарха являлось самопожертвование во имя процветания государства и благополучия подданных. Всепоглощающее чувство долга и скромность в личной жизни, граничащая с аскетизмом, стали одними из главных добродетелей русского царя. Из сочинения в сочинение повторялось примерно следующее описание быта Николая I: «К себе самому император Николай I был в высшей степени строг, вел жизнь самую простую... Вообще вся обстановка, окружавшая его, носила отпечаток скромности и строгой воздержанности»⁵⁶. Практически все авторы описывали складную походную кровать, покрытую тюфяком и старой шинелью, на которой спал император в Зимнем дворце, а также скромную обстановку его рабочего кабинета. Особое восхищение вызывал распорядок дня Николая, который с раннего утра посвящал себя государственным делам, делая перерывы только для приема пищи и пеших прогулок. Его главными отличительными чертами, которые выделяли побывавшие при Петербургском дворе немецкие аристократы, были «поразительно активная деятельность в течение дня», «крайняя строгость к себе» и «выдающаяся память, а что касалось его неумолимости в военных занятиях, то она просто поражала всех»⁵⁷.

Говоря о незаурядных способностях царя, авторы, прежде всего, отмечали его феноменальную память. Как писал вюртембергский генерал и дипломат Фридрих Вильгельм фон Бисмарк: «Несмотря на то, что государственные дела отнимали у Его Величества много времени, в

⁵⁴ *Gagern*. 1856. Bd. 2. S. 48.

⁵⁵ *Londonderry*. *Recollections of a Tour...* 1838. T. 1. P. 275.

⁵⁶ *Tietz*. 1836. S. 18.

⁵⁷ *Kaiser Nikolaus der Erste ...* S. 11.

гвардейском корпусе он помнил поименно всех офицеров фельдфебелей. Более того, раз узнав на учении фамилию какого-либо офицера или даже низшего чина, он уже никогда не забывал ее⁵⁸. Император любил окружать себя военными. Часто устанавливая с адъютантами самые доверительные отношения, он относился к ним не как к слугам, а как к товарищам по оружию. Большое умиление у читателей должны были вызывать рассказы о том, как по распоряжению Николая семейным офицерам, имеющим детей, к Рождеству и Новому году от его имени присылали елку и подарки. Приведенные факты неформального отношения и личного внимания императора к окружавшим его офицерам вне зависимости от их чина также содействовали формированию у широкой публики устойчивого мнения, что русский царь знает о существовании и нуждах каждого из своих подданных.

Но самое сильное впечатление на наблюдателей, среди которых большинство составляли военные, производили способности, проявленные Николаем I в качестве командира на парадах и маневрах. Практически все консервативные авторы отмечали, что, несмотря на самоотдачу, с которой император посвящал себя управлению государством, истинным его призванием была армия: «Больше всего он любил учения, смотры, парады, разводы и неизменно проводил их, не зная усталости, даже зимой»⁵⁹. Ряд сочинений посвящено исключительно изображению его поведения во время больших совместных маневров, например, при Калише (1835) и Вознесенске (1837). Восторженный поклонник Николая описывает свои впечатления следующим образом: «Если задуматься над тем, что монарх империи, превосходящей всю Европу, с населением в 56 млн. жителей, который при этом не упускает из виду деятельность всех кабинетов правительства, держит в памяти не только расположение подразделений как морской, так и континентальной державы, но даже их сигналы, то приходишь к выводу, что это граничит с чудом»⁶⁰.

Традиционно необходимыми качествами для правителя, военные способности которого занимали такое важное место, были наличие харизмы, а также выдержка, решительность и личное мужество, проявленные в опасных для жизни ситуациях. Очень популярна у немецких авторов была история о том, как император, возвращаясь в санях поздно вечером из театра, в одиночку задержал опасного преступника, напавшего на женщину: «Государь вышел из саней и прямо пошел к месту преступления. Грабитель, увидев грозный и величественный образ царя,

⁵⁸ *Bismark*. 1836. S. 64.

⁵⁹ *Preußen als Gäste in St. Petersburg ...* S. 38.

⁶⁰ *Bismark*. 1836. S. 37.

бросился бежать, но император догнал его и самолично доставил в ближайший участок»⁶¹. Помимо полуфольклорных зарисовок, где царь лично восстанавливает справедливость и порядок на бытовом уровне, в качестве примеров для доказательства необыкновенного самообладания Николая приводились и относительно подлинные истории, в которых самодержец, рискуя жизнью, выступал против вооруженного противника или разъяренной толпы.

Наибольшей популярностью у немецких литераторов пользовались два эпизода его царствования. Прежде всего, это – поведение будущего царя во время восстания декабристов в 1825 г., когда он, неоднократно рискуя жизнью, бесстрашно приближался на расстояние выстрела к восставшим подразделениям⁶². Вторым излюбленным эпизодом проявления незаурядного мужества русского императора стало его поведение во время Петербургских холерных беспорядков 1831 г.⁶³. По одной из версий, речь шла о массовых волнениях на Сенной площади 23 июня, вызванных непопулярными карантинными мерами. Император – «похожий на рассерженного полубога» – один вышел к толпе, сбродил шинель, приказал бунтовщикам стать на колени и перекреститься: «И десять тысяч яростных варваров пали на колени, перекрестились и спокойно разошлись»⁶⁴. И опять мы видим развитие темы противостояния двух культур, двух моделей поведения: просвещенного вождя и толпы варваров. Образ бесстрашного одиночки, появляющегося в кризисные моменты среди возмущенных подданных, чтобы сокрушить врагов отечества или вековое невежество, довольно быстро стал неотъемлемой частью мифологии правления русского императора.

Помимо ипостаси мудрого правителя, блестящего офицера и вождя, российский самодержец предстал в консервативной публицистике и в образе заботливого отца патриархального семейства: «Известно, что Николай был образцовым семьянином. Проведя все утро и весь день в государственных заботах, отдыхал он только в семейном кругу. Какой пример подавал нам всем император своим глубоким почтением к жене и искренней любовью к детям!»⁶⁵. Эта сторона восприятия Николая I тоже была тесно связана с консервативной теорией монархического государства. Легитимность монархии, по мнению немецких консерваторов, определялась двумя факторами: божественным происхождением и

⁶¹ *Jermann*. 1852. S. 173.

⁶² *Tietz*. 1836. S. 18; *Kaiser Nikolaus der Erste ...* S. 11.

⁶³ *Preußen als Gäste in St. Petersburg*. S. 38; *Possart*. 1842. S. 199f.

⁶⁴ *Jermann*. 1852. S. 134.

⁶⁵ *Tagebuch eines preußischen Offiziers ...* S. 51.

опорой на патриархальные традиции. Выше говорилось о значении религиозного авторитета для восприятия российского государства и олицетворяющего его императора. Консервативная идеология утверждала, что государство возникает благодаря божественному проведению, а не вследствие сознательной деятельности людей. Следовательно, оно формируется не на основе общественного договора, а естественным образом вырастает из традиционной патриархальной семьи. При этом, как подчеркивал Ф.Ю. Шталь, «право отца также проистекает от Бога, а не от детей»⁶⁶. Это обстоятельство выступало еще одним аргументом в пользу монархии, так как «если государство возникло из патриархальной семьи, то князь, то есть отец племени, имеет абсолютный приоритет перед всеми»⁶⁷. Поэтому изображение Николая I в качестве строго, но любящего отца в окружении большого семейства имело не меньшее значение, чем описание его мужественного поведения во время военных маневров или других опасных ситуаций. Частная жизнь императора, как правило, характеризовалась простотой отношений, приватностью и легкой непринужденностью: «Зарисовки повседневной и семейной жизни императора подтверждают мнение русских: их монарх, как счастливый глава семьи на троне, одновременно для всех сословий является примером и образцом простой, скромной и уютной домашней жизни; великая династия сама подает прекрасный пример веселой общительности и тихого наслаждения семейными радостями»⁶⁸. Подобные описания Николая как заботливого, но строгого хозяина дома⁶⁹, занимали важное место в консервативном восприятии России благодаря распространенной в русофильской литературе аналогии с патриархальным главой государства, который управляет своим незрелым народом как глава семьи: «Император, глава церкви и государства, почитается своими подданными как отец, как патриарх; они преданы ему благоговейно и искренне»⁷⁰. Это восприятие Николая как воплощения стабильного авторитарного государства и мнимой патриархальной общественной иерархии придавало ему в глазах его консервативных почитателей особенное значение.

Однако божественно-патриархальная традиция не только обосновывала легитимность монархии, но и налагала определенные ограничения, также связанные с традиционалистскими представлениями о патриархальном господстве. Так, легитимист Э.Л. фон Герлах, признавая

⁶⁶ *Stahl*. 1863. S. 308.

⁶⁷ *Ibid.* S. 26.

⁶⁸ *Meyer*. 1837. Bd. 2. S. 253.

⁶⁹ *Arnim*. 1850. Bd. 2. S. 321f; *Jerrmann*. 1852. S. 142f.

⁷⁰ *Bismark*. 1836. S. 70.

патриархальную основу монархической власти, полагал, что государь – как отец, который «существует не только для того, чтобы сечь своих детей, но главным образом для того, чтобы демонстрировать им величие Отца Небесного, заботиться о них и кормить их»⁷¹. Традиционалист Ф.Ю. Шталь выражал эту идею почти теми же словами: «Отец не может истязать или продавать своих детей, поэтому санкция Бога требует, чтобы королевская власть опиралась на нравственный порядок»⁷². В этом пункте мы опять видим, как «необходимость нравственного ограничения» власти монарха над подданными, его ответственности перед обществом вступает в противоречие с многократно критикуемой системой самодержавия, граничащего с произволом. Идея ничем не ограниченной власти правителя, который для осуществления своей воли готов прибегать к «механическому насилию» над подданными, была неприемлема как для легитимистов, так и для традиционалистов.

Если в непредназначенных для печати дневниках Леопольда фон Герлаха укрепившийся абсолютизм Николая I подвергается критике как извращенная форма монархии, ведущая к саморазрушению, то в консервативной публицистике делается масса попыток доказать эффективность и стабильность самодержавного строя. Считая абсолютизм малопригодным для собственного отечества, многие консерваторы были готовы доказывать его преимущества и целесообразность, когда речь заходила о России. Как правило, они шли двумя путями. Меньшая часть пыталась представить самодержавие как специфическую форму господства, подходящую только для России с ее низким уровнем развития гражданского общества. Так, Йеррманн писал: «Кто понимает важность почти невероятного прогресса, который в течение последних 80 лет смог осуществить этот сегодня еще наполовину варварский народ, тот должен чистосердечно признать, что такие гигантские скачки в будущее возможны только при самодержавии»⁷³. Большинство же русофильских авторов, напротив, стремилось изобразить эту авторитарную форму политического устройства как идеальный, определенный Богом порядок, которого не коснулись никакие исторические изменения: «Всемирное правительство в наше время весьма дальновидно пригласило императора Николая, этого монарха с непоколебимой силой воли, в качестве властителя, и дала ему в руки такую огромную власть. Применение, которое он находит этой власти, освещает и оправдывает ее; он рассматривает самого себя

⁷¹ Gerlach. 1903. Bd. I. S. 288.

⁷² Stahl. 1863. S. 301.

⁷³ Jerermann. 1852. S. 173.

находящимся на службе доброго консервативного принципа, божественного права...»⁷⁴. Консерваторы всеми возможными способами стремились подчеркнуть привлекательность системы господства, которую их внутренние враги снова и снова ставили под сомнение: «Русский остался верующим, в то время как весь остальной христианский мир колеблется в сомнении. Самодержавная власть своим примером и влиянием наиболее сильно способствовала тому, чтобы придать народу характер религиозной морали, который является основой всех добродетелей»⁷⁵.

Таким образом, несмотря на возможные идеологические противоречия, Николай I как монарх, «исходящий в своих действиях из законов традиции и почвы», будучи сторонником принципа легитимизма, предстает в русофильской литературе как идеальный тип консервативного властителя. Эта противоречивая ситуация будет понятна, если рассматривать формирование образа русского императора в связи с внутренними дискуссиями в Германии и Западной Европе.

После июльских волнений 1830 г. аристократия снова стала ощущать угрозу своим привилегиям со стороны тех общественных сил, которые в консервативной публицистике ассоциировались с «революцией». Шаткость положения германских правящих классов внутри страны заставила их искать опору вовне. Не случайно их взоры обратились на страну, которую либералы считали главным врагом революционных преобразований, а ее правителя называли «жандармом Европы». Видя слабость собственных правящих домов, юнкерство возлагало последние надежды на казавшееся сильным и стабильным российское абсолютистское государство и на самодержца, готового в случае революции преградить ей путь силой оружия. Так, генерал Бисмарк в 1836 г. хотя и чувствовал обеспокоенность в связи нарастанием революционной угрозы в Европе, выражал уверенность в победе и спокойствие при мысли о надежном союзнике: «Император Николай следит за развитием революции, чтобы, когда пробьет час, начать войну и поддержать монархический мировой порядок. Россия чудесным образом развивается по пути своего великого предназначения. Она правильно поняла свою роль во всемирной истории и решит поставленную задачу. Не угнетение, а освобождение от порочного принципа, который как ночной кошмар душит народы и хочет навязать им закон революции, разрушающий всю правовую систему, – такова ее миссия»⁷⁶.

⁷⁴ *Bismark*. 1836. S. 69.

⁷⁵ *Gurowski*. 1841. S. 108.

⁷⁶ *Bismark*. 1836. S. 64f.

Еще сильнее осознание миссии русского императора как гаранта легитимности и спасителя монархического строя в Европе проявилось в консервативной публицистике накануне революции 1848 г. В этот период в немецком общественном мнении фигуре Николая I отводилась роль некоего демиурга – все сильного и непримиримого борца с революционными силами, ставшего «злым гением» для либералов, и «носителем божественной миссии» для консерваторов. Выдающиеся политические качества русского самодержца – «неукротимая энергия», уверенность и самообладание, непримиримость в отношении любых оппозиционных движений, способность «внушать послушание народам и ужас врагам» – в изображении охранителей заметно контрастировали с растерянностью европейских правителей перед революционным подъемом 1848 года.

Благодаря русской интервенции в Венгрии в самый критический для правящих кругов Германии и Австрии момент (апрель/май 1848 г.) положение было стабилизировано. И не в последнюю очередь вследствие этого новый подъем революционных волнений в Германии был ограничен лишь несколькими локальными очагами. Поэтому, даже спустя четыре года вспоминая об этом, прусский генерал фон Брандт продолжает выражать глубокую благодарность русскому самодержцу: «В то время как в романо-германской Европе под давлением мятежных движений распространилось мнение, что только конституционный принцип на основе французской модели может спасти ситуацию, один из писателей из лагеря врагов России и сторонников этого принципа признавался, что в случае революции самодержавие как огненный столб встанет перед русским народом и заслонит его собой. В то время как напуганные правительства должны были все это терпеливо сносить, имея наготове для революционеров извинения для всякого бунта и амнистию в случае всякого восстания, Николай объявил, что император России прощает только один раз. Он хотел при всех обстоятельствах сохранить доверенный ему Богом народ от пороков хваленой современности, удержать его в рамках закона, вне которого для него нет ни будущего, ни безопасности. Он противостоял революции со священной энергией и с той уверенностью и силой, которые внушают массам послушание, а врагам – страх. Он знал из опыта, что во время революций чрезмерное снисхождение приравнивается к слабости, что гидру революции, наоборот, нужно уничтожать повсюду, где встретишь⁷⁷». В этой ретроспективной интерпретации, сделанной в 1852 г., сохранились наиболее важные

⁷⁷ Brandt. 1852. S. 2f.

стереотипы консервативного мышления, связанные с русским императором и той ролью, которую отводили ему охранители в европейской политической борьбе 30–40-х гг. XIX в. Говоря о противостоянии сил «зла» и сил «добра», автор видит врага в «пороках хваленной современности». Прежде всего, это – революция как главный «разрушительный принцип» и ненавистная, и поэтому охарактеризованная как «французская», т.е. чуждая, форма конституционного правления, которая связана с революцией и потому «всегда трусливо перед ней отступает». С другой стороны, им противостоят самодержавие, как мощная защита русского народа от соблазнов, и русский император, исполняющий со "священной энергией" ниспосланную ему Богом миссию. Он надежно преграждает путь революции, внушая страх врагам. В этом отзыве немецкого офицера и аристократа отчетливо проступает еще одна очень важная, а может быть и главная составляющая образа Николая I, которая многое объясняет в его трактовке консерваторами в рассматриваемый период: русский царь как неоспоримый лидер и руководитель европейского антиреволюционного движения.

В данном случае этот аспект восприятия Николая I тем более важен, что стал определяющим для прусского генерала вскоре после унижительного дипломатического поражения Пруссии – подписания Ольмюцкого договора, в котором российский император сыграл решающую роль. «Позорная капитуляция» Пруссии в Ольмюце для такого убежденного консерватора, как Брандт, значила меньше, чем чувство глубокой признательности России и ее самодержцу за помощь в борьбе с революционным «хаосом». Для большинства охранителей борьба с оппозицией имела куда большее значение, чем «пруссский патриотизм», они скорее были готовы идентифицировать себя с русским абсолютизмом, чем с либерально настроенным населением собственной страны.

Именно противопоставление понятий «революция» и «Россия», как полярных политических сил в Европе, лежало в основе противостояния либеральной русофобии и консервативной русофилии. И демократическая оппозиция, и аристократия приписывали Николаю I решающую роль в борьбе с революционным движением, причем немецкие консерваторы, признавая собственную слабость, полагали, что успешный для них исход этой борьбы в собственной стране без участия России невозможен. Этим противостоянием определяется трактовка важнейших элементов образа царской империи, сформированного как в либеральной, так и в консервативной публицистике.

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

- (*Anonym.*) Der Czar gegenüber der europäischen Anarchie. Leipzig, 1849.
- (*Anonym.*) Die europäische Pentarchie. Leipzig, 1839.
- (*Anonym.*) Die Preußen als Gäste in St. Petersburg im Jahre 1834. Leipzig, 1835.
- (*Anonym.*) Kaiser Nikolaus der Erste gegenüber der öffentlichen Meinung von Europa, zur Berichtigung unreifer Urteile über russische Diplomatie und Regierungspolitik. Weimar, 1848.
- (*Anonym.*) Kaiser Nikolaus und seine Rathgeber. Grimma, 1846.
- (*Anonym.*) Tagebuch eines preußischen Offiziers während seiner Reise nach Petersburg und seines Aufenthalts daselbst bei Einweihung der Alexandersäule. Berlin, 1836.
- (*Anonym.*) Wort über Marquis von Custines „Rußland im Jahre 1839“. Berlin, 1844.
- Arnim C. v.* Reise ins Russische Reich im Sommer 1846. Bde. 1–2. Berlin, 1850.
- Brandt H. von.* Rußlands Politik und Heer in den letzten Jahren. Berlin, 1852.
- Bismark F.W. v.* Die Kaiserlich russische Kriegsmacht im Jahre 1835 oder meine Reise nach St. Petersburg. Karlsruhe, 1836.
- Custine A. de.* Rußland im Jahre 1839. 4 Bde. Leipzig, 1847 (3. Aufl. – 1. Aufl. 1843); *Кюстин А. де.* Россия в 1839 году: В 2-х тт. /Пер. с фр. Под ред. В.Мильчиной. М., 1996.
- Decker C.v.* Die Truppen-Versammlung bei Kalisch im Sommer 1835. Königsberg, 1835. Denkwürdigkeiten aus dem Leben Leopold von Gerlachs. Hrsg. Von seiner Tochter Agnes von Gerlach. 2 Bde. Berlin, 1891/92.
- Gagern H. v.* Das Leben des Generals Friedrich von Gagern. 3 Bde. Leipzig und Heidelberg, 1856.
- Gerlach E.L.* Auszeichnungen aus seinem Leben und Wirken. 1795 – 1877. Schwerin, 1903.
- Gerlach E.L.* Von der Revolution zum Norddeutschen Bund. Politik und Ideengut der preußischen Hochkonservativen. Hrsg. Diwald H. 2 Bde. Bd.2. Briefe, Denkschriften, Aufzeichnungen. Göttingen, 1970.
- Gerlach E.L.* von. Regierungsplan für Friedrich Wilhelm IV, König von Preußen, vom 3 September 1848 // *Elm L.* Konservatives Denken, 1789 – 1848/49. Darstellungen und Texte. Berlin, 1898.
- Gurowski A.* Rußland und Zivilisation. Leipzig, 1841.
- Elm L.* Konservatives Denken, 1789–1848/49. Darstellungen und Texte. Berlin, 1898.
- Jerrmann E.* Unpolitische Bilder aus St. Petersburg. Berlin, 1852.
- Londonderry.* Recollections of a Tour in the North of Europe in 1836–1837. London, 1838. T. 1.
- Meyer F.J.* Russische Denkmäler. In den Jahren 1828 – 1835 gesammelt. 2 Bde. Hamburg, 1837.
- Novalis.* Fragmente // *Baxa J.* Einführung in die romantische Staatswissenschaft. Jena, 1931.
- Possart P.* Die Königreiche Schweden und Norwegen, das Kaisertum Russland und Königreich Polen und Freistaat Warschau. Bd. 2. Das Kaisertum Russland. Stuttgart, 1840–1841.
- Possart P.* Wegweiser für Fremde in Petersburg oder ausführliches Gemälde dieser Hauptstadt und ihre Umgebung. Heidelberg, 1842.

- Schlegel F.* Aus den Philosophischen Vorlesungen // *Vaxa J.* Einführung in die romantische Staatswissenschaft. Jena, 1931.
- Schneider L.* Preußens und Rußlands Genius- Eine Festgabe zur Feier des 1/13 Juli 1842. Berlin, 1842.
- Sporschil J.* Die Weltstellung Russlands in der Gegenwart. Leipzig, 1849.
- Stahl F.J.* Die gegenwärtigen Parteien in Staat und Kirche. Berlin, 1863.
- Tietz F.* Erinnerungen aus Russland, der Türkei und Griechenland. Entworfen während des Aufenthalts in jenen Ländern in den Jahren 1833 und 1834. Bde. 1–2. Leipzig, 1836.

ЛИТЕРАТУРА

- Заиченко О.В.* Образ России в Германии в первой половине XIX в. (на материале либеральной публицистики) // Россия и Германия. Вып. 2. М., 2001. С. 92–110.
- Заиченко О.В.* Немецкая публицистика и формирование образа России в общественном мнении Германии в первой половине XIX в. М., 2004.
- Заиченко О.В.* “Biedermeier” и “Vormärz”: Россия как конституирующий «Другой» в период Реставрации (на основе путевых дневников немецких путешественников) // Диалог со временем. Вып. 32. М., 2010. С. 94–122.
- Имангалиев Р.Н.* Становление политического консерватизма в Пруссии в конце XVIII – середине XIX в. Казань, 2001.
- Манхейм К.* Диагноз нашего времени. М., 1994.
- Мусихин Г.И.* Россия в немецком зеркале (сравнительный анализ германского и российского консерватизма). СПб, 2002.
- Vaxa J.* Einführung in die romantische Staatswissenschaft. Jena, 1931.
- Beyerhaus G.* Die konservative Staatsidee und ihr Einfluß auf die Geschichtswissenschaft // Historische Zeitschrift. Berlin, 1937. Bd. 156. N 1.
- Greifenhagen M.* Das Dilemma des Konservatismus in Deutschland. München, 1977.
- Epstein K.* Die Ursprünge des Konservatismus in Deutschland. Berlin, 1973.
- Hungtington S.* Konservatismus als Ideologie // Konservatismus. Hrsg. Schumann H.-G. Frankfurt a. M., 1984.
- Mannheim K.* Conservative thought // Mannheim K. Essays on sociology and psychology. London, 1953.
- Meinecke F.* Gerlach und Bismarck // Historische Zeitschrift. Berlin, 1894. Bd. 72.
- Schöps H. J.* Das andere Preussen. Stuttgart, 1974.
- Wehler H.-U.* Deutsche Gesellschaftsgeschichte. 2 Bde. Göttingen, 1971.
- Заиченко Ольга Викторовна**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, o.v.zaichenko@gmail.com